

Р.С. Гринберг
ИЭ РАН, Москва

Журнал НЭА,
№2 (26), 2015,
с. 190–196

Российский путь выхода из кризиса: самобытность против универсального тренда

В статье анализируются итоги системной трансформации экономики РФ, дана оценка баланса позитивных и негативных результатов российских реформ и текущей экономической политики правительства. Предложены альтернативные варианты экономической политики с целью вывода страны на траекторию устойчивого развития.

Ключевые слова: модели экономической политики, неолиберализм, шоковые реформы 1990-х годов, рыночные реформы в ЦВЕ Евросоюза, новые модели госрегулирования, динамика валютного курса рубля и экономический рост.

Классификация JEL: В40.

Сегодняшнее положение отечественной экономики, на первый взгляд, не так уж и плачевно. Цены на нефть уже более или менее стабильны или, по крайней мере, не снижаются так стремительно, как раньше. Рубль, как нам говорят власти с едва скрываемым

облегчением, якобы надувал свой «равновесный» уровень и даже начинает неожиданно укрепляться, вызывая растущую панику у ревнителей радикального импортозамещения. Только что начавшаяся рецессия как будто бы уже не будет такой глубокой, как ожидалось совсем недавно, да и потребительская инфляция обещает снизиться к концу текущего года до однозначной величины. Так, может, пора расслабиться и перестать пугать друг друга надвигающимся коллапсом? Правительство, похоже, этим и занимается, демонстрируя спокойствие и оптимизм.

Однако что-то мешает разделить его радужные ожидания. Во-первых, нет никаких твердых оснований надеяться на скольконибудь продолжительную устойчивость сегодняшних цен на нефть, не говоря уже об их возможном росте до предногоднего уровня. Наоборот, множатся признаки, указывающие на весьма вероятное удешевление углеводородного сырья на мировом рынке. Скорее всего, ценопонижающий тренд окажется сильнее ценоповышающего (Рогофф, 2015). И тогда наша рецессия, как, впрочем, и инфляция (в результате нового девальвационного толчка) получат очередное ускорение. Во-вторых, даже если правительственные предположения окажутся более или менее верными, вряд ли придется радоваться этому, хотя бы потому, что ни антикризисный план правительства, ни денежно-кредитная политика Центробанка, на мой взгляд, не нацелены на изменение индустриального ландшафта страны и структуры экспортных доходов. А ведь без этого страна рано или поздно вновь окажется беззащитной перед очередным провалом нефтяных цен со всеми хорошо известными последствиями для бюджета, курса рубля, величины инфляции и динамики реальных доходов населения.

Нельзя сказать, что власти совсем уж игнорируют подобную перспективу. Время от времени первые лица государства публично заявляют об исчерпанности прежней модели не только экономики, но и экономической политики. Говорится даже о необходимости новой парадигмы в управлении народным хозяйством. Все это, конечно, не может не радовать. Но вот дальше начинаются вопросы. Ключевой из них – что же конкретно намеривается предпринять правительство, чтобы хотя бы в среднесрочной перспективе уменьшить зависимость отечественной экономики от растущей неустойчивости мировых цен на нефть?

К сожалению, приходится констатировать, что декларируемые сегодня установки и представления правительственных чиновни-

ков и экспертов о путях решения этой задачи не только не внушают оптимизма, но и вызывают дополнительную тревогу, если учесть, что время – не на нашей стороне и, следовательно, сползание страны в «технологическое захолустье» может оказаться необратимым. Снизить государственное присутствие в экономике, провести структурные реформы, повысить эффективность государственных расходов, сократить административные издержки и налоговое бремя для бизнеса – вот основные правительственные идеи, реализация которых должна вывести страну на траекторию устойчивого цивилизованного развития.

Что здесь скажешь?

Во-первых, все это уже было и почему-то не дало желаемых результатов. Примитивизация экономики продолжалась и в тучные, и в тощие годы, несмотря на периодические ритуальные заклинания о ее вреде для позиционирования страны в суровом глобальном мире. Вот и сегодня нельзя избавиться от ощущения, что правительство не знает никаких других способов избавления от пресловутой «нефтяной иглы», кроме совершенствования инвестиционного климата, снижения инфляции до 4% и выпуска в пожарном порядке федеральных целевых программ по принципу «всем сестрам по серьгам».

Во-вторых, требуется, внести ясность по поводу так называемых «структурных реформ», о необходимости которых постоянно говорят как высшие правительственные чиновники, так и экономисты, называющие себя либералами. Стоит отметить, что и те, и другие как-то неохотно раскрывают содержание таких реформ, и это не случайно. Ведь речь идет об исключительно непопулярных реформах, а это означает, что вам говорят примерно следующее: «Мы хотим, чтобы всем было лучше, и это когда-то произойдет, но во время реформ будет хуже, и это надо принять, как должное». Граждане от этого не в восторге. Вот реформаторам и приходится заявлять о необходимости «распространения рыночных принципов на общественный сектор», «отказа от патернализма и повышения самоответственности граждан», «оптимизации государственных расходов» и т.д., и т.п. На самом же деле ставится конкретная задача – значительно сократить социальные обязательства государства, т.е. перевести на максимально возможную самоокупаемость здравоохранение, образование, культуру и науку.

На человеческом языке это призыв к гражданам за все платить самим – от роддома до могилы. Вообще-то это не что иное, как возвращение страны в архаический капитализм

XIX в. Причем это было бы ошибкой даже в том случае, если бы в стране уже сложился зажиточный средний класс. Сегодня же, когда, даже по официальным данным, больше половины россиян имеют месячный доход ниже 19 тыс. руб., т.е. чуть больше 300 долл., а наиболее часто встречающийся доход – 10,5 тыс. руб., такая ошибка может стать просто фатальной¹. Так что в результате реализации «структурных реформ» описанного содержания страна гарантированно получит плутократическое асоциальное государство с огромными рисками в плане общественного порядка.

Для предотвращения такого развития событий просто преодолеть начавшуюся рецессию явно недостаточно. Ведь мы имеем дело не просто с очередным циклическим или денежно-кредитным кризисом. У нас более тяжелый случай – хронический системный кризис действующей почти четверть века определенной модели хозяйствования. Такие кризисы вызваны накоплением в течение длительного времени диспропорций между основными секторами экономики, нарастанием социальных противоречий, и они имеют более глубокие негативные последствия для экономического развития. Действительно, все российские рецессии – 1998, 2008 и 2014 г. – начинались как финансовые кризисы, они были связаны с сокращением валютных поступлений (падением цен на экспортируемые энергетические и сырьевые ресурсы) и падением курса национальной валюты. Однако есть все основания полагать, что их глубинные причины – особенности рыночных преобразований, начавшихся в начале 1990-х годов. Именно вследствие такой специфики формировались и росли препятствия, блокирующие рост конкурентоспособности российской экономики как в отношении производственного потенциала, так и качества формируемых рыночных стимулов и институтов.

Речь идет об устойчивом воспроизводстве трех фундаментальных проблем российской экономики. *Во-первых*, слабая мотивация национального бизнеса заниматься инновационной и инвестиционной деятельностью, если она не связана с извлечением рентной сверхприбыли различного происхождения – от природной до административной. *Во-вторых*, слабость национальной финансовой системы и как следствие – чрезмерная зависимость экономики от внешних источников финансирования, и прежде всего от валютных доходов от сырьевого экспорта, динамика которых оказывает определяющее влияние

на состояние бюджетной сферы, динамику потребительского спроса, инвестиционную активность. *В-третьих*, низкая технологическая конкурентоспособность промышленности, усиленная структурной деградацией промышленного потенциала экономики, прежде всего отечественного машиностроения. Даже после восстановительного роста 2000–2008 гг. объемы выпуска машин и оборудования инвестиционного назначения находятся на уровне в несколько раз, а по некоторым видам и на порядок, меньше, чем в конце 1980-х годов, что серьезно ограничивает внутренние инвестиционные ресурсы и усиливает технологическую зависимость страны от ее геополитических конкурентов.

Корни отмеченных выше проблем следует искать в начале 1990-х годов, в выбранной тогда стратегии реформ на основе рекомендации Вашингтонского консенсуса, под которым подразумевается сформированная к началу 1980-х годов представителями неоклассической экономической школы определенная система взглядов на проблемы экономического развития. Считалось, что жесткая финансовая политика, сопровождаемая отменой государственного вмешательства в экономику и торговой либерализацией, – достаточные условия для начала экономического роста в новоиспеченной рыночной среде. Отсюда следовали и рецепты структурных реформ: поддержание финансовой дисциплины посредством бездефицитного бюджета, налоговые привилегии для инвесторов, либерализация кредитной системы в целях рыночного формирования процентных ставок, отмена государственной монополии на внешнеторговые и валютные операции, максимально быстрая приватизация государственных предприятий, укрепление гарантий права частной собственности и т.п.

В общем, и в 1990-е годы, и в «тучные» нулевые годы применяли стандартный набор решений для нестандартной среды (Лившиц В., Лившиц С., 2010). Как говорила моя бабушка: «Лечили от желтухи, а оказался китаец». Исходили из того, что все расставит по нужным местам пресловутая «невидимая рука» рынка. В результате рыночная экономика была создана, но еще более технологически отсталая и с примитивной хозяйственной структурой.

Поборники Вашингтонского консенсуса, или рыночного фундаментализма, имеют обыкновение объяснять разочаровывающие итоги реформ так называемыми объективными обстоятельствами, ссылаясь якобы на

¹ См. материалы сайта http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tabl/1-2-6.htm.

такой же печальный опыт других постсоциалистических стран. Высокая социальная цена реформ и упрощение структуры хозяйства – будто бы судьба всех переходных экономик, независимо от того, как проводились преобразования – в соответствии с нелиберальными установками или вопреки им. Но факты говорят о другом.

Достаточно сравнить динамику некоторых социально-экономических показателей от начала системной трансформации до нынешнего времени в странах так называемой Вышеградской четверки (Чехия, Словакия, Польша, Венгрия) и России. Все они в конце 1980-х годов почти не отличались друг от друга по средним душевым доходам, уровню их дифференциации и вообще по качеству жизненных условий, и это дает основание для сопоставления достигнутых результатов рыночных реформ.

Есть, как известно, международный обобщающий показатель социально-экономического благополучия стран – «индекс человеческого развития ООН» (ИЧР), состоящий из динамики ВВП, продолжительности жизни и уровня образования. Конечно, он далек от совершенства, но лучше, насколько мне известно, нет. Как бы то ни было, ИЧР позволяет более или менее адекватно судить о динамике благополучия или неблагополучия той или иной постсоциалистической страны от начала перемен до настоящего времени (см. таблицу).

Легко заметить, как печально выглядит российский рейтинг на фоне относительного благополучия вышеградских государств. При этом особенно удручает тот факт, что наш откат от советских позиций продолжился и в «тучные» нулевые годы, когда темпы эко-

Таблица
Индекс человеческого развития ООН. Место России и стран Вышеградской группы

Страна	1990 г.	2000 г.	2013 г.
Чехия	22	25	28
Польша	39	32	35
Словакия	26	34	37
Венгрия	46	36	43
Россия	34	51	57

Источник: по данным ООН (см.: <http://hdr.undp.org/en/content/table-2-human-development-index-trends-1980-2013>).

номического роста в России были в 2–3 раза выше, чем в странах Вышеградской четверки. Ясно, что это не что иное, как свидетельство стремительной деградации социальной сферы. Причем настолько стремительное, что даже превосходит скорость беспрецедентно высокого хозяйственного роста.

То же самое относится и к обеспечению макроэкономической стабильности, которой у нас принято гордиться без особых оснований. Ведь суть ее предельно ясна – внутренняя и внешняя устойчивость национальной валюты. Но если мы сравним наши «успехи» в этой области с результатами аналогичных усилий в странах Вышеградской четверки, то и здесь мы обнаружим картину явно не в пользу России (рис. 1–2).

Что касается деиндустриализации, то такой тренд действительно обозначился и принял достаточно универсальный характер, то есть он затронул страны не только с переходной, но и с развитой рыночной экономикой. Сегодня принято его критиковать и делать ставку на диаметрально противоположный

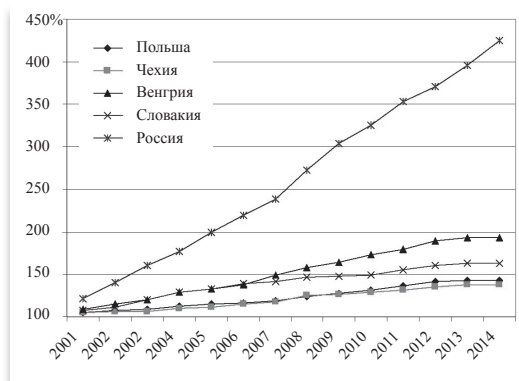

Рис. 1

Индекс цен в странах ЦВЕ (2000 г. = 100%)

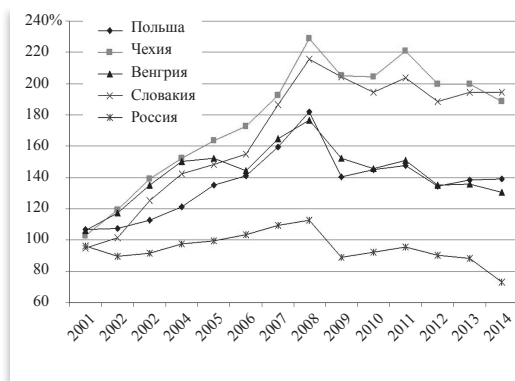

Рис. 2

Темпы прироста среднегодовых валютных курсов стран ЦВЕ к доллару США (2000 г. = 100%)

Источник: рассчитано по данным статистики МВФ.

процесс – реиндустриализацию. Но исключительно важно учитывать разные последствия примитивизации хозяйственных структур для вышеградских стран, являющихся в настоящее время частями ЕС как большого квазигосударства, и России как самостоятельного государства, для которого сохранение этого тренда – угроза не только для экономики, но и для национальной безопасности.

Словом, увлечение ложно понятой концепцией экономической свободы порождает эффекты, прямо противоположные ожидаемым, и тем самым серьезно противодействуют оздоровлению социально-экономического положения в стране. Самый свежий пример, иллюстрирующий этот тезис: непринятие ЦБ РФ (по чисто идеологическим причинам!) валютных ограничений в самый острый момент массового сброса рублей в декабре прошлого года, в результате чего страна, как говорится, на ровном месте получила недопустимую волатильность национальной валюты и парализующее хозяйственную активность резкое удорожание банковского кредита.

Вообще, мне кажется, что избыточное влияние радикального либерализма в обслуживании конкретной экономической политики в сегодняшней России в первую очередь связано с устаревшим пониманием как текущего главного направления в экономической мысли Запада, так и его практических действий, связанных с регулированием хозяйственной жизни социума. Судя по всему, после мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. эпоха почти религиозного поклонения радикальному либерализму либо завершена, либо очень близка к завершению.

Мы не знаем, какая концепция определит содержание нового основного русла в экономической теории, но мы точно знаем, что привычный антиэтатизм выходит из моды и государство возвращается. При этом государственная активность уже не руководствуется исключительно антикризисными соображениями, а прочно встраивается в экономику в качестве незаменимого субъекта ее модернизации. Очевидные экономические успехи азиатских стран, где государство систематически участвует в экономике, а в структуре инвестиционного процесса преобладают бюджетные средства, резко обесценивают огульную критику так называемого государственного капитализма. Выясняется, что он может быть исключительно продуктивным, если капитал встроен в планы развития и государственно-частное партнерство нацелено не на огосударствление частного бизнеса, а на его максимальную поддержку вообще и стиму-

лирование участия в общенациональных приоритетных проектах в частности. На этот счет существует множество убедительных работ как зарубежных, так и российских исследователей (Кондратьев, 2013; Eppler, 2012; Stiglitz, 2012; Dullien, Herr, Kellerman, 2011; Гринберг, 2013, с. 78, 342, 350–366).

Здесь укажу лишь на некоторые общие черты государственного капитализма в, так сказать, положительной коннотации. Прежде всего замечу, что в структуре экономик рассматриваемых стран наблюдается повышенная по сравнению со среднемировым уровнем доля накопления и промышленности в ВВП. Не менее важная черта – выборочное заимствование зарубежного опыта, дозированная открытость, установка на сочетание своего и чужого. Иностранные капиталовложения при этом желанны, но абсолютный приоритет – прямые инвестиции в реальный сектор экономики, так как они не склонны покидать страну размещения при неблагоприятных колебаниях конъюнктуры (в отличие от краткосрочного капитала спекулятивного характера). Поэтому в странах «хорошего» государственного капитализма и недостаточно зрелых рыночных экономик преимущество отдается поощрению кредитования реальной экономики, а не экспансии финансовых рынков.

Все это неудивительно. Удивительно другое. Почти везде идеология *рыночного фундаментализма*, правившая бал в мире в последние 40 лет в качестве универсального «руководства к действию», сдала или сдает свои позиции. Но именно применительно к России можно утверждать – без особого риска преувеличения, что «рыночный фундаментализм умер, но дело его живет».

Вот и нам пора взрослеть и задуматься о целеполагании того, что мы делаем с точки зрения экономических перспектив. Речь не идет о восстановлении директивного планирования. Оно, как выяснилось опытным путем, просто противоречит человеческой природе. Но ни одна страна мира не добивалась благоденствия, если она не планировала желаемой цели и путей ее достижения.

Сегодняшняя Россия остро, на мой взгляд, нуждается в индикативном планировании, где планы – не приказы, а побудительные мотивы к реализации желаемых целей (Полтерович, 2007). Надо создавать такую структуру экономики, которая была бы застрахована от любых турбулентностей на рынке нефти. И это – комплексная задача, объединяющая разные политики – структурную, технологическую, финансовую, региональную, демографическую. Здесь все настолько взаи-

мосвязано, что без тесной координации действий разных ведомств не обойтись. Но если нет общенациональных целевых ориентиров, нет и потребности в формировании соответствующих механизмов согласования разных политик.

Важно также отметить еще одно существенное обстоятельство, связанное с нашей специфической политической системой. Фактическая несменяемость состава руководящих лиц, ответственных за экономическую стратегию, придает определенную устойчивость экономике, но, как правило, вредит ее развитию. А вот сменяемость власти – реальный инструмент совершенствования экономической политики. Не обязательно новые политики будут принципиально лучше. Но они видят реальность по-другому и по-другому представляют себе интересы общества, которые они призваны реализовывать.

И, наконец, самое последнее. Как бы ни относиться к качеству сегодняшней российской экономической политики, как бы ни критиковать действия власти за те или иные реальные или мнимые промахи, надо признать, что экономика в стране, во-первых, рыночная, и, во-вторых, она не просто рыночная, а открытая рыночная. Именно поэтому Россия при всех своих, надеюсь, временных, изоляционистских иллюзиях остается органичной частью мировой экономики, состояние и динамика которой оказывает на страну мощное прямое влияние. В этой связи не стоит недооценивать экономические последствия охлаждения наших отношений с Западом вообще и с Европейским Союзом в частности. Взаимные санкции уже наносят чувствительный материальный ущерб обеим сторонам, и, судя по всему, их разрушающее воздействие будет только усиливаться. С учетом того, что российский экономический потенциал заметно ниже, наша заинтересованность в политическом урегулировании внутриукраинского конфликта должна быть особенно активной.

ЛИТЕРАТУРА

- Гринберг Р.** (2012). Свобода и справедливость: российские соблазны ложного выбора. М.: Магистр, ИНФРА-М.
- Кондратьев В.** (2013). Второе дыхание государственного капитализма // *МЭиМО*. № 6. С. 3–18.
- Лившиц В.Н., Лившиц С.В.** (2010). Системный анализ нестационарной

экономики России (1992–2010): рыночные реформы, кризис, инвестиционная политика. М.: Поли Принт Сервис.

- Полтерович В.М.** (2007). О стратегии догоняющего развития для России // *Экономическая наука современной России*. № 3. С. 17–23.
- Рогофф К.** (2015). Кеннет Рогофф: история показывает, что Россия способна перетерпеть боль, когда это необходимо. [Электронный ресурс] Интервью ТАСС от 13.01.2015. Режим доступа: <http://tass.ru/opinions/interviews/1694558>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: май 2015 г.).
- Dullien S., Herr H., Kellerman C.** (2011). *Decent Capitalism*. London: PlutoPress. P. 114–139.
- Eppler E.** (2012). *Return of the State?* London: Forumpress.
- Stiglitz J.E.** (2012). *The Price of Inequality*. London, N.Y.: W.W. Norton & Company. P. 172–176.

REFERENCES (with English translation or transliteration)

- Dullien S., Herr H., Kellerman C.** (2011). *Decent Capitalism*. London: PlutoPress, 114–139.
- Eppler E.** (2012). *Return of the State?* London: Forumpress.
- Grinberg R.** (2012). *Freedom and Justice: Russian Temptations of False Choice*. Moscow: Magistr, INFRA-M (in Russian).
- Kondrat'ev V.** (2013). The Second Breath of State Capitalism. *World Economy and International Relations* 6, 3–18 (in Russian).
- Livshits V.N., Livshits S.V.** (2010). The Systems Analysis of Non-Stationary Economy of Russia (1992–2010): Market Reforms, the Crisis, the Investment Policy. Moscow: Poli Print Servis (in Russian).
- Polterovich V.M.** (2007). *About Strategies of Catching-up Development for Russia*. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* 3, 17–23 (in Russian).
- Rogoff K.** (2015). Kenneth Rogoff: history shows that Russia is able to endure pain when it is necessary. TASS Interview Dated 13.01.2015. Available at: <http://tass.ru/opinions/interviews/1694558> (accessed: May 2015, in Russian).
- Stiglitz J.E.** (2012). *The Price of Inequality*. London, N.Y.: W.W. Norton & Company, 172–176.

Поступила в редакцию 14 мая 2015 года

R.C. Grinberg

The Institute of Economics RAS, Moscow, Russia

Russian Way out of the Crisis: Originality Versus Universal Trend

The article analyzes the results of the systemic transformation of the economy of the Russian Federation (the RF), assessment of the balance of the positive and negative results of Russian reforms and the current government's economic policy is given. The alternative options of economic policy are offered with the aim of bringing the country to the path of sustainable development.

Keywords: *models of economic policy, neoliberalism, shock reforms of the 1990's, market reforms in Central and Eastern Europe, new model of state regulation, exchange rate of the ruble, economic growth.*

JEL Classification: B40.